

ПРЕОДОЛЕНИЕ ШТАМПА

Поэтическими (иначе литературными) штампами грешат все, кто пишет стихи. Даже крупные таланты. Даже гении. Но если у талантливой и гениальной поэта штампы либо однократны, либо исчезают в сверкающем блеске глубокой, неожиданной мысли и потому не воспринимаются читателями в качестве таковых, то у начинающего поэта (графоманы не в счёт) штампы выпирают на выровненной глади текста с такой же вызывающей неприглядностью, как пружины на поверхности старого дивана. Один подмосковный поэт **В. Красавин** так открыл одно из своих стихотворений:

*А старость всё ближе и ближе...
А мы её не замечаем,
Куда-то вострим свои лыжи,
Друзей из беды выручаем.*

Возникает желание читать дальше? У меня нет, ибо в каждой (!) строке – заезженный серый штамп.

Вспомните **А. С. Пушкина**:

Мороз и солнце; день чудесный!

Четыре общеизвестных слова с небольшой экспрессией вне контекста... Кто из поэтов их не употреблял! Но, будучи соединёнными вместе гением, они дали неповторимую, ставшую классической, картину ясного зимнего утра. Если это и банальность, то Великая...

Аксиома: русский язык необыкновенно богат... Кстати, **Александр Пушкин** силён тем, что у него на странице не повторяется ни одно слово! Тогда почему же многие поэты не утруждают себя желанием напрячь воображение и найти свою индивидуальную форму эстетического воплощения увиденного рядом? Если мороз, то обязательно крепчал, одиночество непременно гордое, тишина воцарилась, объятия – жаркие, девичий взгляд – нежный и т.п. Этот ряд можно продолжать до бесконечности: солнце устало садилось, ветер пронзительный дул, закат,

позолотивший небо, тяжёлый груз на душе, руки как крылья, стелется туман, печаль/грусть/тоска в глазах, колдовское зелье, высоко вздымалась грудь...

В чём опасность и одновременно привлекательность поэтических штампов? Они позволяют внятно выразить мысль, найти знакомый образ, понятный, прежде всего, самому автору, придать стихотворению формальную стройность. Их опасность – в привычке к клишированности мышления и, как следствие, к творческой лени, в огрублении образного мировосприятия, в необратимом притуплении воображения. Всё это смертельно для истинного поэта. Штампы в поэзии можно уподобить красивому букету из искусственных цветов, который никогда не заменит очарования цветов живых...

Есть такая притча. Первый поэт, который в своём стихотворении сравнил юную деву с цветущей розой – гений; второй, кто это сделал, – ремесленник, а третий – пошляк. Штампом может стать и часто становится не только общеизвестное выражение, но и яркая метафора, эпитет, сравнение. Постоянно тиражируемые, они с каждым разом тускнеют всё больше...

Особенно опасны т.н. *индивидуальные штампы*. Бывает так, что поэт, наконец-то, нашёл свой новый образ. И затем пошёл штамповать его в стихах направо и налево, да ещё в пределах одной книги.

Одна из местных поэтесс даёт нам пример такого антипоэтического безобразия. Не ахти какой эпитет «шалый», но разок и он сойдёт: «Уйду на луговой простор // Смотреть, как шалая зарница // Целует обомшелый бор...» Однако на последующих страницах книги следует яростная, неудержимая атака образных клонов: «или эта шальная весна», «ломит речка шальная», заяц – «ошалевшая душа», «а в этой жизни беженцы шальные», «шалые бродяги – соловьи», «запахи, шальные блики», «И дни мои летели, // Как шальные огни», «от шалого, дикого счастья», «Будут мчать поезда, // Словно звёзды шальные в ночи», «там, за Венерой шальной»...

Штампы можно и нужно преодолевать, насколько это позволяет размер таланта. Как это сделать? Во-первых, думать и стремиться видеть примелькавшиеся

предметы, явления, процессы так, как никто не видел их до тебя. Для начала – хотя бы чуть-чуть по-другому.

Один пример. Свинцовое небо, свинцовые тучи... Метафора-штамп, давно утратившая былую выразительность. Но тверская поэтесса **Вероника Назарова** в своей книге «Вечная странница» (2002) элегантно возвратила этому штампу стилистическую свежесть: *«Небо пропиталось тяжестью свинца...»*

Во-вторых, нужно читать классиков, что равносильно не только учению у них, но и развитию собственного таланта. «Но действительно учиться вовсе не значит (по крайней мере в сфере искусства) заимствовать, – писал **Вадим Кожинов**. – Учиться – значит постигать, как решали великие предшественники свои художественные задачи, а не брать их решения уже готовыми». Тогда и придёт мастерство, понимаемое им как «бесконечное, неисчислимое многообразие способов создания художественного мира». Именно так – **неисчислимое многообразие**.

Вспомним хорошо знакомый есенинский образ: *«В саду горит костёр рябины красной, // Но никого не может он согреть...»* Впрочем, в стихотворении в прозе «Деревня» (1847) **И. С. Тургенева** встречаем:

*Яркие краски везде сменили приветную зелень:
Издали пышут с рябин красные гроздья плодов,
Дивно рдеет заря причудливым долгим пожаром...*

Однако то, что было подчёркнуто индивидуально для **Сергея Есенина**, для многих при необдуманном заимствовании превращается в штамп. В современной поэзии можно обнаружить немало аналогов и вариаций рябинового костра (интертекстуальность в данном случае выносим за скобки). Давайте посмотрим, кому из поэтов удалось (или не удалось) не превратить этот впечатляющий образ в штамп.

В стихотворении **Алёнки Морозовой** налицо обычное заимствование в форме прямого цитирования, которое с учётом явных штампов во второй и четвёртой строках, смахивает на мини-плагиат:

В саду горит костёр рябины красной,

*И под ноги ложится листопад,
Обиженное небо стало ясным,
Нам лето не вернуть уже назад...*

Людмила Ойкина пытается быть более оригинальной. Озаглавив стихотворение прямой отсылкой к Есенину – «Костёр рябины», она пытается по-своему развить его метафору:

*На поляне лесной запылал вчера вновь,
Костёр огненно-красной рябины.
Это, чья-то опять, догорает любовь,
Головою, качая повинной.*

Всё равно – слабо, и есенинская метафора смотрится как парчовая заплатка на мешковине.

Наталья Минаева в «Танце вечности» несколько трансформирует рассматриваемый образ двумя путями: дополняет его метафорическим эпитетом «рубиновый» и параллелизмом:

*Рубиновый костёр рябин,
Костёр твоей души...
Ты танца Вечности шаги
Освоить не спеши.*

Вновь сплошные штампы: костёр души и изрядно заезженное сравнение рябины с рубинами. Режет слух и словосочетание «освоить шаги».

Неизвестный творец лирической зарисовки «Горит огонь рябины красной...», заменив «костёр» на «огонь», также использует параллелизм, а получилась в итоге образная несостыковка:

*Горит огонь рябины красной за окном
И сердце щемится в груди щенком бродячим.
Мне каждый угол в тесной комнате знаком,
Его я вытопчу как гражданин незрячий.*

Выходит то, что у **Сергея Есенина** – гениально, у остальных непреодолимый штамп? Нет, не стоит уподобляться «незрячим гражданам» от графомании. К

примеру, тверской поэт **Михаил Рысенков**, ныне живущий в Санкт-Петербурге, успешно творит новый образ на основе старого:

*Это всё уже было: горели
в потёмках рябины,
Я средь княжеских кметей
скакал на слепой огонёк...*

Согласитесь: перед нами – совершенно оригинальное художественное прозрение, выросшее из хрестоматийной есенинской метафоры.

Его брату **Василию Рысенкову** тоже не откажешь в смелой зоркости преобразования штампа:

*Нам бы чуть-чуть души,
Нам бы ещё – удачи!
Чтоб о рябину греть
У перелеска руки...*

Напоследок прочтём катрен из пейзажной зарисовки «Последнего яблока зов так горяч...» тверского поэта и художника **Лилии Сокуренько**:

*Здесь ветер поигрывает сухой
Листвою, устлавшей порожек,
И, оранжевея над прелой трухой,
Огонь облепихи тревожит.*

И здесь поэт вырывается за пределы поверхностной перелицовки есенинского «костра рябины красной» и создаёт свой образ – эффектный, убедительный и ярко индивидуальный.

Преодоление поэтического штампа возможно!